

Унна Уорно

ПУТЕШЕСТВИЕ
УАЛТКУ

в группе
рассказы

Инна Шолпо

Путешествие улитки и другие рассказы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21123926

Путешествие улитки и другие рассказы/ Шолпо И.: Геликон Плюс;

Санкт-Петербург; 2017

ISBN 978-5-00098-109-2

Аннотация

«Путешествие улитки» – необычно построенный «веночек рассказов», каждый из которых может существовать сам по себе, но, сцепляясь с другими, приобретает дополнительный смысл. Улитка, путешествующая вместе со своим домиком по его же изгибам, – символ странствий человеческой души, странствий в эмоциональном пространстве и жизненном времени. Примыкающие к этому циклу «...и другие рассказы» родственны ему по настроению и мыслям. Они о том же – о поиске себя, о любви и одиночестве, о драме и счастье взросления и, конечно, об искусстве, которое помогает героям увидеть правду.

Содержание

Путешествие улитки	4
Остров без адреса	5
Кафе «Печаль»	22
«Души прекрасные порывы»	47
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Инна Шолпо

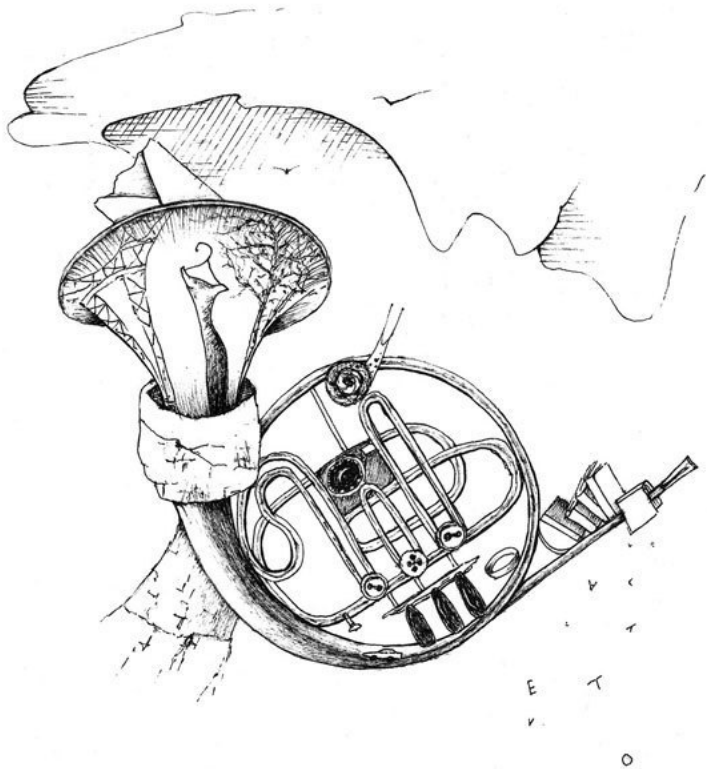
Путешествие улитки и другие рассказы

Путешествие улитки (Венок рассказов)

Памяти мужа

*Дождик лил как из ведра.
Я открыл калитку
И увидел средь двора
Глупую Улитку.
Говорю ей:
– Посмотри
Ты ведь мокнешь в луже...
А она мне изнутри:
– Это ведь снаружи!*

Андрей Усачёв

Остров без адреса

*...Если ты перестанешь жаловаться и просить
о том, чего не может быть, – это будет очень*

хорошая жизнь.

Эрнест Хемингуэй. «По ком звонит колокол»

...Странно: вот уже несколько дней я сажусь за стол, чтобы написать тебе это письмо, прекрасно понимая, что ты его никогда не прочтешь. Я ведь даже не знаю, где ты сейчас и существуешь ли на самом деле. Хотя нет, наверняка существуешь, иначе почему я до сих пор совершаю глупости? Конечно, это письмо не имеет смысла, но мне в последнее время бывает так жалко тебя и так хочется помочь тебе... или себе – я не знаю. Мне нужно что-то сделать, пусть это и покажется бессмысленным. Хотя бы просто бросить в море эту запечатанную бутылку с моим письмом. Возможно, волны памяти или времени вынесут ее на твой берег, на твой остров без адреса...

Иногда мне кажется, что по ночам я слышу твой голос и что тебе интересно будет узнать, как я живу. Ты единственная, кого это точно порадует, поэтому могу сказать: у меня все отлично.

Оказывается, совсем не страшно, что вечной любви не бывает и взаимной, по существу, тоже. Страшно – этого не понимать и надеяться на то, чего не может быть. Отсюда все ошибки, все обиды, все трагические расставания и потери. Мы здесь не навсегда, и все здесь не навсегда. Когда ты с этим примиришься, становится легче.

Я знаю, ты думаешь, что отличаешься от всех. Что твои чувства уникальны, что ты единственная в своем роде. В

чем-то ты, конечно, права. Каждый человек уникален. Но это только если смотреть изнутри. А при взгляде со стороны становится ясно, что между людьми гораздо больше общего, чем ты думаешь. Вот я сейчас пишу тебе и знаю, что все это кто-то кому-то уже говорил. Даже, наверное, не раз. Может, немного другими словами, а может, и такими же. Но при этом почему-то никто никого не понимает. Даже тогда, когда кажется, что человек повторяет сказанное тобою. Фокус в том, что каждое слово имеет тысячи значений, которых нет в словаре. Поэтому мы одновременно и похожи, и не похожи друг на друга.

Сейчас мне хочется построить мост из слов между нашими островами. Конечно, он будет непрочным, как радуга. Но это лучше, чем ничего.

С чего же начать? Наверное, с того, почему я довольна своей жизнью.

Я думаю, прежде всего потому, что она – моя.

Помнишь, как мама пугала тебя одинокой старостью? Когда ты полюбила мальчика на десять лет моложе, своего ученика, она говорила, что он тебя скоро бросит, найдет молодую – и тебя ждет одинокая старость. Потом ты встретила мужчину намного старше себя, и она сказала: вот, мужчины и так живут меньше женщин, он умрет – и тебя ждет одинокая старость. А когда ты гордо заявила, что не собираешься вообще выходить замуж, потому что нет такого мужчины, ради которого ты могла бы стать такой же, как все, обыч-

новенной домохозяйкой, то... ну, в общем, ты помнишь. А нужно было просто плевать на все это, на все эти страхи. Просто понять, что все временно. Все. И любовь, и одиночество. И жизнь... Кстати, тот мальчик... Не знаю, как тебе сказать. Он умер в двадцать лет. От передозировки. Мне недавно рассказала его одноклассница. А тот мужчина... Он еще жив и недавно женился на молоденькой девушке.

Так вот... Знаешь, мне уже много лет. С твоей точки зрения, эта самая старость для меня уже наступила. Но она совсем не такая страшная, как тебе может представиться. Мне даже кажется, что сейчас я гораздо счастливее и, конечно, красивее, чем ты. Я очень люблю свое тело. Иногда вечером, перед сном, я с наслаждением глажу свои ноги, потом живот, грудь, плечи... кожа такая шелковистая, так вкусно пахнет какао! Да, я пролежала двадцать минут в ванне с шоколадной пенкой, это от нее кожа становится такой приятной на ощупь. И мне так нравится прикасаться к себе...

Я массирую грудь, приподнимаю ее, словно взвешиваю в руке, и чувствую, как напрягаются соски. Одна грудь немного больше другой. Мой первый муж меня утешал. «Симметрия, – говорил он, – это удел убогих идиотов». Он был музыкантом и очень любил джаз. Впрочем, что я тебе рассказываю! Тогда меня это отсутствие симметрии все-таки тревожило, а сейчас – ни капли.

Не обижайся, но я и одеваюсь гораздо лучше, чем ты. И краситься научилась. На самом деле ты тоже так можешь! Ты

просто не знаешь, как к этому подступиться. Тебе кажется, что ты никогда не станешь такой, как женщины, которых ты видела, когда ездила в Париж по приглашению той французской художницы, Валери. Ерунда! Нужно только позволить себе...

Конечно, возраст дает о себе знать: я теперь устаю от долгих прогулок, даже от мытья полов в квартире. Но потом я лежу на диване, ощущая во всем теле приятную усталость, и мне хорошо. Потому что я понимаю, что это жизнь. Что я еще могу жить, двигаться, работать. И радоваться этому. Кстати, я научилась неплохо танцевать. И да, я хожу на танцевальные вечеринки. А ты по-прежнему такая же нескладная? Займись танцами, это тебе поможет. Я серьезно.

Что до одиночества, то оно меня не пугает. Иногда я езжу отдыхать в уединенный загородный дом моих друзей, когда их там нет. Один мой ученик, очень молодой еще человек, спросил меня как-то, не скучно ли мне там, совсем одной. Какой смешной вопрос, правда? Разве может быть скучно человеку с самим собой? Мы с тобой ведь понимаем, что можно целыми днями размышлять или сочинять что-нибудь... А еще гулять, смотреть вокруг, слушать голоса природы, читать книги. Ведь чтение – это на самом деле разговор скорее с самим собой, чем с писателем. Конечно, ты читаешь гораздо больше, чем я. Зато я больше думаю. Это тоже полезно.

Мы с тобой любим тишину, верно? Она помогает сосре-

доточиться. А еще – я поняла это недавно – помогает лучше почувствовать жизнь.

Но не все люди в этом отношении устроены одинаково. Некоторые боятся тишины. Вот мужчина, с которым я живу... Да, у меня есть мужчина, ты не ожидала? Так вот, он не может оставаться наедине с самим собой ну просто ни минуты. Ему обязательно нужно, чтобы работал телевизор или громко вещало радио. Или чтобы музыка гремела на всю квартиру. Тебя, наверное, это возмутит. Ну, то, что я ему это позволяю. Ты ведь не понимаешь, как можно жить с *другим* человеком. Не таким, как тебе хочется, как ты насочиняла. Ты совсем не умеешь приспосабливаться и прощать.

Помнишь, в детстве ты придумывала себе воображаемого мужа? Родители думали, что ты чокнутая: разговариваешь сама с собой, да еще сердито. Это ты на него иногда злилась за что-то, делала выговор... Но только для того, чтобы воображаемая супружеская жизнь не казалась слишком пресной. Наверное, ты уже тогда понимала, что сюжет движется конфликтом. «Муж» прекрасно подавал свои реплики, сочиненные тобой. Он исправлялся, и вы мирились. Ты лепила его по прихоти своего воображения. Вот и сейчас, когда ты влюбляешься, ты же не в этого человека влюбляешься, не в то, что он собой представляет на самом деле. Ты придумываешь, каким хотела бы его видеть. Примеряешь на него платье романтического страдальца или героя, в зависимости от настроения. Ты ведь все еще веришь, что мужчина может

измениться – от безумной любви к тебе, конечно. И ты бы не стала жить с человеком, который, например, любит выпить. Или может выругаться. Или не читает твоих стихов и вруба-ет громкую музыку, когда ты рядом.

Но потом ты меня поймешь. Я живу с этим мужчиной... да, да, он старый и с бородой... не потому, что так уж боюсь одиночества, не потому, что устала ждать *того*... ну о котором мы с тобой мечтали. (И ты до сих пор мечтаешь, разве не так?) Это не компромисс от безысходности, это что-то совсем другое... Скажу тебе по секрету, что мне, как и тебе, больше нравятся сексапильные юноши с идеальной фигурой. Но... но мы с моим мужчиной оба помним вкус мороженого по двадцать восемь копеек. Понимаешь?

Может быть, это смешно, но я чувствую, что мы с ним дополняем друг друга. И... конечно, можно общаться с самой собой, но обнять себя не очень-то получается. Крепко, молча обхватить все восемьдесят килограммов... А без этого очень трудно. Да, наша жизнь не похожа на то, как ты представляешь себе свою великую любовь. Но это совсем не так ужасно, как ты можешь подумать.

Я многому научилась за последнее время. Научилась носить свой мир в себе, не навязывая его никому, и не пускать туда чужих. Научилась быть счастливой независимо от обстоятельств. Любить себя. Отпускать людей, которым я не нужна или которые мне не нужны, не пытаюсь их переделать, и терпеть недостатки тех, кто мне дорог. Ты можешь назвать

это предательством по отношению к тебе или слабостью, но это не так.

Мужчинам я нравлюсь больше, чем ты. Так уж получилось. Может быть, потому что теперь, когда мне говорят о том, что я красива, я не думаю, что это вранье, не ищу подвоха и не обижаюсь, что мне при этом не говорят, какая я умная. И еще – я не стесняюсь быть женщиной. Помнишь, ты ездила за город с компанией и там на дороге была большая лужа? Дура Наташка орала: «Ой, как через нее перебраться! Ой, я упаду! Ой, мои новые босоножки!..» И парни перенесли ее на руках. А ты гордо перебралась сама, вполне ловко. Но все потом почему-то вокруг нее вертелись. И кто из вас после этого дура?

Да, я понимаю, что ты сильная. И ты надеешься, что встретишь мужчину сильнее себя. Но зачем же всех остальных распугивать-то? А кроме того... дело в том, что все мы – сильные или слабые – ничего не можем поделать с ускользающим временем, с тем, что жизнь – это как езда на велосипеде. Паузу взять нельзя – нужно все время крутить педали, чтобы сохранять равновесие.

* * *

Тебя это, наверное, удивит, но многие мои друзья и знакомые в последнее время стали ходить в церковь, как-то неожиданно уверовали в Бога. Я совершенно не могу этого

понять: мне это кажется какой-то странной модой. Кто-то из них спросил меня: «Как же это ты не веришь в бессмертие души? Разве тебе не страшно, что после жизни ничего не будет?» До чего смешные люди! Разве от того, что мне страшно от отсутствия чего-то, я могу поверить в его существование? Нельзя же волевым усилием заставить себя поверить: по приказу, из-за выгоды или из-за страха. Вера или есть, или ее нет. Это как с любовью.

Ты об этом пока не задумываешься, я знаю. Ты просто живешь и стараешься не думать о том, что когда-нибудь умрешь. Потому что это будет очень не скоро, и потому что если об этом думать, то можно сойти с ума. И еще ты немножечко веришь в то, что потом родится кто-то, кто тоже будет говорить о себе «я» – и это будешь снова ты. Наверное, ты допускаешь возможность переселения душ, но это тебя не очень утешает, потому что тебе очень не хочется, став кем-то другим, забыть свою жизнь. И еще, когда ты ездила в Париж к Валери, ты почему-то ставила свечи в соборах и – да, да, не отрицай – и сейчас носишь на шее образок, купленный в Нотр-Дам! Может, тебе хочется во что-то верить, в какую-то высшую силу? Но где она, не знаем ни ты, ни я...

На самом деле я тоже стараюсь не задерживаться на мысли о смерти. Но я очень хорошо чувствую, что у меня остается все меньше времени, что нет ни одного часа на «подготовку к жизни», о которой нам говорили в школе... Нужно жить, жить на всю катушку, без репетиций и пауз.

Дорогая, послушай меня, ты слишком много времени тра-
тишь попусту! Ты отказываешься от каждодневных мелких
радостей ради «важных дел». Ты позволяешь окружающим
воровать у тебя твоё время. Да, на этих скучных педсоветах,
когда ты рисуешь профили в блокноте, кто-то забирает у те-
бя кусочек жизни. И когда ты ждёшь этого своего Серёжу,
чтобы пойти домой с ним вместе, а он просто забывает про
тебя и уходит, а ты сидишь в учительской два часа и не зна-
ешь, чем заняться, кроме страданий. И когда случайная зна-
комая полчаса по телефону донимает тебя рассказами о сво-
их любовных похождениях... Я знаю, тебе неудобно её пре-
рвать. Ты и сама готова по три часа рассказывать подругам
о своих переживаниях, так что приходится выслушивать от-
кровения в ответ. Но, честное слово, если тебе это в тягость,
сбрось – и иди! А вот когда тебе говорят, что ты тратишь
время зря, сочиняя стихи или сидя на окошке и наблюдая за
полетом облаков, – не верь, не испытывай чувства вины. Ни-
чего, что ты не станешь поэтом. Это все равно не потерян-
ное время. Как и то, которое ты провела, бродя по улицам,
вглядываясь в дома, в чужие окна, пытаясь понять, зачем ты
сюда пришла.

Ладно, не стану тебя поучать. Ты же это ненавидишь. Хотя
сама других поучаешь очень смело. Поэтому, наверное, ты и
стала учительницей.

Но ты тоже меня пойми и не говори, что я циничная эго-
истка. Просто вспомни ту маленькую девочку, которой была

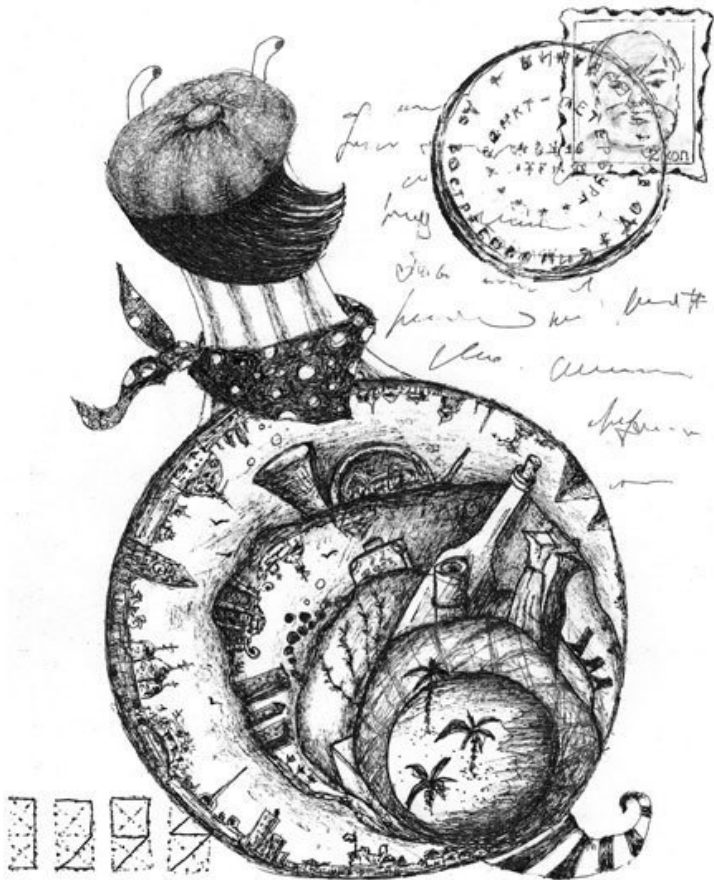
когда-то. Эгоистично верящую в то, что мир создан для ее счастья. Я становлюсь на нее похожей. Многие считают, что в моем возрасте это нормально.

Я недавно нашла у себя твои стихи. Скажу совершенно честно: по-моему, они очень хорошие. Зря ты их теперь никому не показываешь. И зря бросила писать. Подумаешь, две-три подруги, прочитав, не стали кричать, что ты великий поэт, а из журнала «Юность» ответили, что «советская поэзия это давно переросла». Там ведь ты настоящая. Ты, а не то, чем тебя хотят видеть твои родители и разные тёти-дяди. Может, попробуешь снова? Ты ведь иногда царапаешь что-то в своем дневнике неразборчивым почерком.

Так вот, возвращаясь к вопросу о бессмертии. Если честно, я ни в чем не уверена... Кто его знает? Кто вообще может что-то об этом знать? Возможно, потом твоя душа растворится в природе, станет дождем или снегом. Но если бы я и верила в бессмертие души, все равно мне было бы жаль тела. Я люблю его и хочу существовать в этом мире вместе с ним.

Я вообще стала любить многое из того, что тебя раздражает. Свою квартиру, например. Да, тебе после поездки в Париж она кажется убогой. Ты переживаешь, что у тебя нет денег на ремонт. У меня их тоже нет. Ни денег, ни сил. Но в последнее время я полюбила и обшарпанные обои, и старую мебель... Потому что это мой остров. Это кусочек суши, на котором можно укрыться в океане. Пусть он не такой роскошный, как у кого-то, но он есть, а могло бы не быть. Стоит

ли жаловаться?

Kany

sby

Ты, наверное, не поверишь, но я снова научилась удивляться простым вещам. Например, снегу, или дождю, или цветущей сирени. А море, море, море... ты его почти и не видела! А оно такое большое, такое живое! Рядом с ним никогда не бывает одиноко. Помнишь маленькую девочку, которая так любила валяться в траве, кататься с горки на санках и на лыжах, мокнуть под дождем? Ты никогда теперь не валяешься в траве? Не катаешься на санках? Честно признаться, я тоже. Но мне хочется. И может быть, скоро я позволю себе сделать это. Недавно я нарвала сирени прямо с куста на газоне, под чужими окнами. Ну конечно, ты никогда так не поступишь!

И еще я люблю теперь горький шоколад, а не молочный. И пью не сладкое шампанское, а брют. И никогда (!) не сочетаю его с мороженым.

И своего мужчину я тоже люблю, наверное. Да, ты бы с таким не смогла жить, я знаю. Потому что у него есть недостатки, а ты этого не выносишь. Но, признайся, ты и сама не сувенир, верно же?

* * *

Не знаю, как мне отправить тебе это письмо. Разве что просто опубликовать в Интернете... Вдруг попадется тебе на глаза. Ах да, забыла. У тебя же нет Интернета!

Кстати, это отличное изобретение. Экономит массу вре-

мени. Я не хожу в библиотеку, как ты, когда мне нужно найти какую-то информацию. Не стою в очередях, чтобы заплатить за электричество, даже билеты на самолет покупаю, не выходя из дома. Представляешь, как здорово? А еще стало нормальным общаться там с незнакомыми людьми, знакомиться. Иногда так действительно можно найти друзей или даже любовь. Будь он у тебя, ты могла бы опубликовать там свои стихи, и кто-нибудь обязательно сказал бы тебе: «Это настоящее, это пронзило меня, это же как будто обо мне...» Ты же так ждешь этих слов! Кто-нибудь непременно тебя бы услышал.

Я вот иногда пишу. Нечасто. И иногда – пускай очень редко – мне отзывается чья-то душа. Но лучше *ты* пиши... В тебе больше страсти, силы, любви, чем во мне. Пусть и без Интернета, пусть просто – бутылка в море...

А сегодняшняя молодежь и не понимает, как люди общались, когда не было компьютеров. Письмо теперь приходит от человека к человеку за несколько секунд. Это просто фантастика! Скажи, а ты по-прежнему каждый день по пути с работы заглядываешь в почтовый ящик: не белеет ли там, в глубине, долгожданный конверт? Ты сама не знаешь, какого письма ты ждешь, от кого. Тебе просто кажется, что когда-нибудь ты получишь его и твоя жизнь изменится к лучшему. А может, это будет письмо от меня?

Да, жаль, что у тебя нет Интернета. Но с другой стороны, из-за него люди стали какими-то странными. Они редко ви-

дятся, редко обнимают друг друга. Каждый живет на своем замкнутом клочке пространства, но при этом, заметь, на всеобщем обозрении. Как в витрине.

Конечно, я знаю, что один из твоих недостатков – неумение ничего скрыть. Ты про каждую свою великую любовь готова поведать всем своим знакомым. Будь ты в «Контакте», ты бы, наверное, всех замучила своими отчаянными статуйками. Я же тебя хорошо изучила. Ты и меня иногда к этому подталкиваешь, и мне тоже хочется иногда вырваться в огромное никуда, в виртуальную жилетку глухой сети. Но, поверь мне, гораздо мудрее делать вид, что у тебя нет никаких проблем. Лучше пусть завидуют, чем злорадствуют.

А еще мудрее вообще поменьше рассказывать о себе. Ты, может, думаешь, это я так говорю потому, что я не с теми людьми общаюсь? Но ты же сама мизантроп еще больше меня, потому и примеряешь на себя разные романтические костюмы. Разве не так? Сколько раз ты жалела о том, что доверяла людям и откровенничала с кем попало? Я тут прочла у одной писательницы, ты ее не знаешь пока, что если хочешь человеку хорошего, пожелай ему острова, у которого нет адреса. Оттуда, с этого острова, можно всех любить – далеких и близких. Но не на коммунальной кухне. А люди сейчас, похоже, устроили себе огромную виртуальную коммуналку.

Ты, конечно, можешь меня не слушать: тебе и так надоели советы «взрослых, знающих жизнь». Что поделаешь, молодых все поучают. И очень трудно понять, к чему стоит при-

слушаться, а к чему нет. Но у тебя же умная душа, хотя еще и не до конца вылупившаяся.

Извини, что я употребляю так много непонятных слов: Интернет, компьютер, электронная почта, «Контакт»... Мне сложно все это тебе объяснить. Ты потом сама все поймешь, постепенно.

Если ты получишь это письмо, напиши мне, пожалуйста. Я ведь тоже не все о тебе знаю. И о себе.

P. S.

А хочешь, я признаюсь тебе в одной вещи? Только никому не говори, ладно? Я, конечно, не слишком часто заглядываю в почтовый ящик: в нем редко бывает что-то, кроме рекламных буклетов. Но... каждое утро я включаю компьютер, запускаю Интернет, вхожу в электронную почту и... да, я его жду. Письма неизвестно от кого. Особенного письма. Обнадеживающего, как смутная улыбка.

Кафе «Печаль»

...Не из-за чего тут меняться в лице.

Ф. Саган. «Смутная улыбка»

В Испанию мы с мужем летели через Женеву, где провели полдня. В этом городе уже много лет живет мой старинный друг Георгий. Вернее, друг моего отца. И мы, конечно, договорились встретиться за завтраком в кафе на берегу озера.

Воскресная Женева вызвала у меня ассоциации с каким-то большим всеевропейским пикником. Нас окружал многоязычный, многоцветный мир радости и покоя, правда, немного легкомысленный и очень хрупкий: дети, лебеди, влюбленные, велосипеды, туристы – словом, лето, солнце и дух свободы. Двадцать лет назад я как-то не обращала на это внимания. Что-то изменилось, но не знаю, в городе или во мне. Или просто голова у меня тогда была занята другим.

Посидели мы замечательно. И конечно, по счету платил Георгий. Есть в таких мужчинах особый шарм. Нет, дело не в деньгах. В уверенности. С годами – а Георгию недавно исполнилось семьдесят – она не уменьшилась, скорее наоборот.

Когда муж вышел в туалетную комнату и мы с Георгием остались наедине, он протянул мне двести франков.

– Зачем? – слабо возразила я. – Ты нас так накормил, что

нам до самой Барселоны есть не захочется... и вообще.

– Купишь себе подарок. Я не хотел при твоём муже: ещё подумает что-нибудь такое...

Я не стала спорить и спрятала деньги, хотя в глазах мужа этот жест Георгия меня бы, пожалуй, даже возвысил. То, что его жена может кому-то нравиться кроме него, ему только льстит. А про Георгия он знает. Знает, что между нами ничего не было и что это «ничего» произошло задолго до нашего с мужем знакомства. И ещё то, что время от времени, приезжая в Россию, Георгий привозит мне французские духи Chamade от Герлен, которые давно уже стали частью меня. Никто даже не представляет, что когда-то я пахла «Белой сиренью».

– Да думать-то нечего, – сказала я, пожимая плечами. – Ничего же не было...

А потом, глядя на всё ещё черные волосы на груди Георгия, чуть видные в вороте его белоснежной рубашки апаш, почему-то прибавила:

– К сожалению...

– Да, – ответил Георгий. – Я тоже иногда жалею об этом... Но, сама понимаешь, ты же не такая женщина, которую можно было поматросить и бросить. А что я ещё мог предложить?

Ну конечно, ничего. Мы жили в разных странах, он женат – и что бы там ни происходило в его личной жизни, брак для Георгия всегда был священен. «Это мой крест, – сказал он

мне тогда, – и я буду его нести».

В то время ему было столько же, сколько мне теперь, и он казался мне очень немолодым. И всё же я его любила, как говорится, без памяти. Но я гостила тогда в его доме, и это останавливало... Чёрт, ну нельзя же жить в доме, где тебя кормит и принимает женщина, и спать с ее мужем!

* * *

Вообще-то в первый раз я влюбилась в Георгия, когда мне было четырнадцать лет, как только кто-то из папиных друзей привел его в наш дом. Вот сразу в тот день, как увидела, так и влюбилась. Потому что он был альпинистом, покорял Эльбрус. Плавал на корабле, как Городницкий, песни которого он иногда пел под гитару, и побывал в разных зарубежных странах... Потому что он не походил ни на кого из наших знакомых: все они были людьми книжными и кабинетными, и именно к такому окружению я привыкла. От Георгия же веяло духом странствий и особенной мужской силой. Это не считая того, что он был очень хорош собой.

Когда он приходил к нам в дом – а собирались у нас часто, на все праздники и просто так, – я смотрела на него весь вечер и мечтала, мечтала о... Ну о чем можно мечтать в таком возрасте?

Нет, конечно, что-то останавливало меня в моих фантазиях. Наверное, тот факт, что он был женат: в детстве я бы-

ла очень высоконравственной. Но когда однажды, кажется, Восьмого марта, наши гости решили потанцевать, мне просто безумно захотелось, чтобы Георгий меня пригласил. Однако он пошел танцевать сначала с моей мамой, а потом со своей женой Оксаной. И правда, кому придет в голову пригласить на танец пятнадцатилетнюю девочку – гадкого утенка, забившегося в угол комнаты?

Оксана была на голову выше Георгия, и, когда они танцевали, я обратила внимание на его туфли. Никогда не видела у мужчин таких высоких каблуков. Наверное, он стеснялся своего небольшого роста. Сейчас это показалось бы мне смешным, но тогда вовсе не уронило Георгия в моих глазах. А туфель таких у нас в СССР в то время не было. Наверное, из Америки привез.

В конце концов я решила, что будет негуманно уводить Георгия от жены, поскольку он был у нее уже вторым мужем. И мои чувства благополучно прошли.

В детстве я вообще очень часто влюблялась. Начиная примерно со второго класса я просто не могла без этого существовать. И если очередной предмет меня разочаровывал или оказывался недостижим, как артист с обложки журнала «Спутник кинозрителя», я судорожно искала новый.

И все же однажды мы с Георгием танцевали. Мне было уже лет двадцать, и я только что рассталась со своим первым мужем, с которым мы прожили вместе меньше двух лет. Я чувствовала себя совсем взрослой, но для папиных друзей,

конечно, по-прежнему оставалась маленькой девочкой. Георгий меня пригласил и, пока мы танцевали, поинтересовался, где мой муж. Я сказала, что мы недавно разъехались.

– А с этим поздравляют? – спросил он.

Я засмеялась:

– Не знаю.

– Во всяком случае... Мы тебе, конечно, не говорили, но было не похоже, что вы долго пробудете вместе. Он хороший мальчик, но какой-то... обыкновенный.

– А мне нужен какой?

– Ну не знаю...

Мы помолчали, а потом он вздохнул и неожиданно сказал:

– Эх, будь я помоложе и не женат...

И я ответила в тон:

– Будь я постарше...

И опять от одного неосторожного слова понеслась душа в рай!

Мне не нужно тогда было, чтобы он был моложе. Он нравился мне таким – взрослым, уверенным, с романтической биографией за плечами. Но я остро понимала, что я для него – ребенок. И это было так несправедливо! Мне тогда казалось, что несправедливо. Во всяком случае, я чувствовала, что умею любить, хочу любить... и ничуть я не хуже, чем его жена!

А потом он уехал за границу. И я снова на время о нем забыла, закружившись в водовороте юности.

В Петербурге Георгий появлялся редко, не каждый год. В эти его приезды все папины друзья собирались у нас или у него. И вот однажды в один из таких приездов все началось снова.

Мне было уже около тридцати, и я казалась себе очень зрелой. В тот вечер на мне было черное платье с открытыми плечами, и папины друзья смеялись и пытались поцеловать меня в плечико. Не всерьез, как маленькую. Было немного обидно... чуть-чуть.

На этот раз танцев не было, но папа, как всегда, играл на рояле, и мы с Георгием оказались рядом на диване в полутемном углу комнаты. Я почувствовала в нем что-то особенное – какие-то жаркие волны, необычный пристальный взгляд – и сама ощутила необыкновенный подъем, предчувствие обретаемой женской силы.

Он поцеловал меня сначала в плечо – совсем не так, как другие, – а потом в шею. Он, конечно, не знал, но от поцелуев в шею я просто схожу с ума, это запретный прием! Я не выдержала и застонала.

– Я долго сопротивлялся, – прошептал он. – Но сегодня ты победила.

Мама позвала всех назад к столу, пить чай. Мы с Георгием снова сели рядом. Я чувствовала, что он колеблется, словно пытается на что-то решиться. Что-то должно было произойти, и мне стало горячо внутри.

Наконец он положил руку мне на колено. Совсем легко,

ненавязчиво. Как косвенный вопрос. Я крепко сжала его кисть. Это был ответ.

Не помню как, но в какой-то момент мы оказались вдвоем на кухне, и нас просто развернуло и бросило друг к другу. Мы целовались, как сумасшедшие, пока кто-то не открыл дверь, так что мы едва успели отскочить на благопристойное расстояние.

Уезжая, Георгий велел мне оформлять загранпаспорт и обещал прислать приглашение.

* * *

Он встречал меня в аэропорту с букетом белых кустовых гвоздик. Не заезжая к нему домой, мы поехали в Монтрё, где позавтракали в кафе, и он тут же заговорил о том, что между нами, конечно, ничего не может быть. То есть не то чтобы так вот прямо сказал, но дал мне это понять. Как-то неловко и не к месту рассказал о том, что брак для него – святое. И еще о своем долгом романе с какой-то француженкой, который ничем не кончился, потому что он отказывался оставить жену. Поэтому тот вечер у меня дома – ну, это просто случайное проявление необдуманного порыва. И я послушно кивала головой. В общем-то, я была с ним совершенно согласна.

Но, как водится, вся эта увертюра потом полетела к черту. Георгий взял отгулы и возил меня на машине по всей стра-

не. И мы целовались, целовались везде: в машине, в музеях, в ресторане.

Даже сейчас, сидя за столиком на террасе кафе, я зажмурилась от воспоминания об этих поцелуях. Тряхнула головой.

– Да, наверное, тогда я была не такой...

– А что, что-то изменилось?

– За двадцать лет я немного подросла, ты не заметил? И теперь я думаю, что главное – это чтобы двоим было хорошо. Не обязательно долго... и тем более не навсегда. Можно и на одну ночь. Только чтобы это было по-настоящему, чтобы никто никого не обманывал. В это нужно идти с открытыми глазами и не мучить друг друга требованием вечной любви, какого-то невозможного продолжения. Наверное, тогда я действительно этого не умела.

* * *

Из этих двух сумасшедших недель я помню какие-то отрывки. Яркие картинки, ощущения. Мокрые от дождя розы возле провинциальной церкви в маленьком городке немецкой Швейцарии, в который мы заехали совершенно случайно. Пасшиися на склоне холма овцы с длинными хвостами, которых я кормила с рук опавшими грушами. Поле цветов возле шоссе, где мы остановились, чтобы нарезать букет: на обочине стоит столик, на нем – ножницы и коробочка для

денег. Срезаешь цветы с грядок, рядом с которыми воткнуты в землю деревянные таблички с ценой, опускаешь деньги в коробочку – и едешь дальше по шоссе, мимо подсолнухов, виноградников, бежевых стад.

Помню, как мы остановились пообедать в таверне где-то среди гор. Как нам принесли огромные порции спагетти, и мы ели и пили под позвякивание коровьих колокольчиков и стрекот кузнечиков.

Помню удивительные пейзажи, которые так и просились на картину – семь-восемь планов, причем средние кажутся уже нарисованными, а самые дальние – сфумато, сфумато, сфумато¹. Ручьи, текущие, нет, почти падающие с гор...

Помню, как вечером лучи солнца широкими полосами пробились сквозь облака над Женевским озером и повисли, соединив золотистыми дорожками воду и небо. Я тогда погладила пальцами покрытую черными мягкими волосами руку Георгия, и он остановил машину...

Помню маленькую серую ящерку на каменной ограде в Грансоне: на эту ограду я присела отдохнуть, а Георгий меня сфотографировал.

Почему-то я вообще очень хорошо помню себя, словно бы вижу со стороны. Свои летние брюки песочного цвета, купленные за пять рублей на раскладушках секунд-хенда на Сенной; белую мужскую рубашку с короткими рукавами, на которой я оставляла расстегнутыми две верхние пуговики;

¹ Буквально: «исчезнувший, как дым».

черное французское платье с открытыми плечами, между прочим, привезенное из Парижа; костюм с длинной юбкой, который мама сшила мне из посылочного материала и вышила стебельчатым швом. Я везла тогда с собой целый чемодан вещей (это сейчас мы с мужем путешествуем налегке).

Помню маленький, безумно уютный городок Ньон, в который мы с Георгием поехали как-то вечером. Римские руины, памятник Юлию Цезарю, игрушечные дома с плющом на фасадах, словно сошедшие с иллюстраций к немецким сказкам. Вечер в маленьком баре и наш разговор. Я сказала, что на его месте жила бы в таком вот сказочном городке, а в Женеву на работу ездила бы: там же совсем недалеко. «Нет, – сказал он. – Я хочу жить в большом городе. Наверное, потому что я долго выбирался из провинции. В Москву, потом в Ленинград, потом сюда... Комплекс провинциала».

И еще я помню – над всем этим – диск Криса Ри, который Георгий постоянно ставил в автомобиле. Его голос, такой удивительно сексуальный, пробирающий до самого нутра! Больше всего нам нравилась песня Blue Café. Мне казалось, что она про нас, хоть мы об этом никогда не говорили. Только один раз Георгий спросил, помню ли я, как называлось кафе, где мы сидели в день моего приезда. Я не помнила, и он несколько обиженно сказал: Blue Café. Забавное совпадение... Но в песне меня цепляло другое.

This is where the one who knows

Meets the one who does not care
The cards of fate
The older shows
To the younger one who dares to take
The chance of no return

«Это там, где встречаются тот, кто знает, и тот, кому все равно. Тот, кто старше, покажет карты судьбы тому, кто моложе, тому, кто осмелится воспользоваться шансом, дающимся однажды».

Ни у кого из моих знакомых тогда еще не было машины, такси я пользовалась редко, поэтому совершенно не умела садиться в автомобиль: стучалась головой, цеплялась каблучками. Георгий смеялся и повторял свои инструкции: «Сначала попу, потом голову, потом ноги!»

Мне было так уютно рядом с ним на переднем сиденье, я о чем-то беззаботно болтала, даже когда мы ехали по серпантину в горах, хотя вообще-то жутко боюсь высоты. И научилась ругать бестолковых автомобилистов презрительным: «Кантон Во!» – потому что, как объяснил мне Георгий, водители машин с номерными знаками этого кантона, как правило, создают на дороге больше всего проблем.

– Как с тобой хорошо ездить, – сказал он однажды. – Не то что с Оксаной: она все время говорит, что я веду не так, что нужно поехать помедленнее или побыстрее, что я резко торможу...

– Ну я же не умею водить! Если уж я села в твою машину,

значит, я тебе доверяю. Не стану же я учить машиниста вести паровоз или врачу объяснять, как меня лечить, – ответила я.

На самом деле я просто об этом не думала. Я только смотрела, смотрела на него и на окружающую нас красоту, и душа наполнялась безмятежным счастьем.

Не знаю, вспыхнуло бы во мне такое сильное чувство, если бы не этот антураж: иномарка, волшебная красота кругом, чистые игрушечные города, европейский лоск... За годы работы в Европе Георгий и сам стал европейцем. Это чувствовалось во всем: в манерах, одежде, парфюме, но главное – в его умении комфортно существовать. Он знал, что должен он, а что должны ему. Поэтому нас всегда прекрасно обслуживали в ресторанах, поэтому рядом с ним я чувствовала себя не просто уверенной и защищенной – я была самой красивой женщиной в мире, идущей об руку с самым лучшим в мире мужчиной.

Впрочем, иногда я давала волю своему несносному характеру и пыталась его пошпынить. Но Георгий как-то по-детски обижался, и мы даже ненадолго ссорились. Я потом уже поняла, что вся эта уверенность, весь этот европейский лоск прикрывали какие-то глубоко спрятанные проблемы. Однажды я посмеялась над тем, что утром мы сели в грязную машину. Георгий мне резко высказал все, что думает о женщинах, которых катают целыми днями, а они еще чем-то недовольны, и обиженно надулся. Но через полчаса молчаливой езды мы остановились на заправке, и он помыл свою «тойо-

ту».

Конечно, Георгий не мог провести со мной все эти две недели. Иногда я одна ездила по городу, иногда меня выводила на прогулку или по магазинам Оксана. Оксана... да. Я вообще-то никогда не считала себя особой красавицей. Но рядом с ней, вне зоны действия влюбленного взгляда Георгия, я начинала чувствовать себя замухрышкой. За годы жизни за границей рослая чернобровая одесситка, ни в чем не уступая мужу, стала похожа на европейскую даму, женщину из другого мира, куда мне никогда не войти, хоть я и ношу французское платье. Потому что сидит оно на мне косо. Потому что у меня нет такой холеной бархатной кожи, таких ногтей, похожих на лепестки цветов, таких гладких ароматных подмышек. Да нет, дело даже не в этом... и не в том, что, садясь в машину, я судорожно думаю: «Сначала попу, потом голову, потом ноги». Просто я не умею вот так ходить по улице, спокойно, без напряжения. Не умею сидеть в кафе – уверенно и расслабленно одновременно. Не умею общаться с продавщицами, которые окружают меня, горя желанием помочь выбрать товар. И с официантами. Не могу почувствовать себя в центре вращения окружающей жизни. И в центре внимания мужчины тоже.

Оксана не высказывала никаких возражений против наших с Георгием длительным прогулок вдвоем, но все-таки она, вероятно, что-то почувствовала и повела себя не слишком умно. Когда мы оставались с ней наедине, она постоян-

но рассказывала мне о том, как сложно жить с Георгием, какой он тяжелый человек. Короче, это ее крест. Очень хотелось сказать ей: «Тогда отдай его мне». Но это было бы глупо. Она, как и Георгий, собиралась нести свой крест дальше. Я прекрасно чувствовала, что в ее бархатных лапках скрыты цепкие коготки. А я даже не умела правильно пить кофе по-венски.

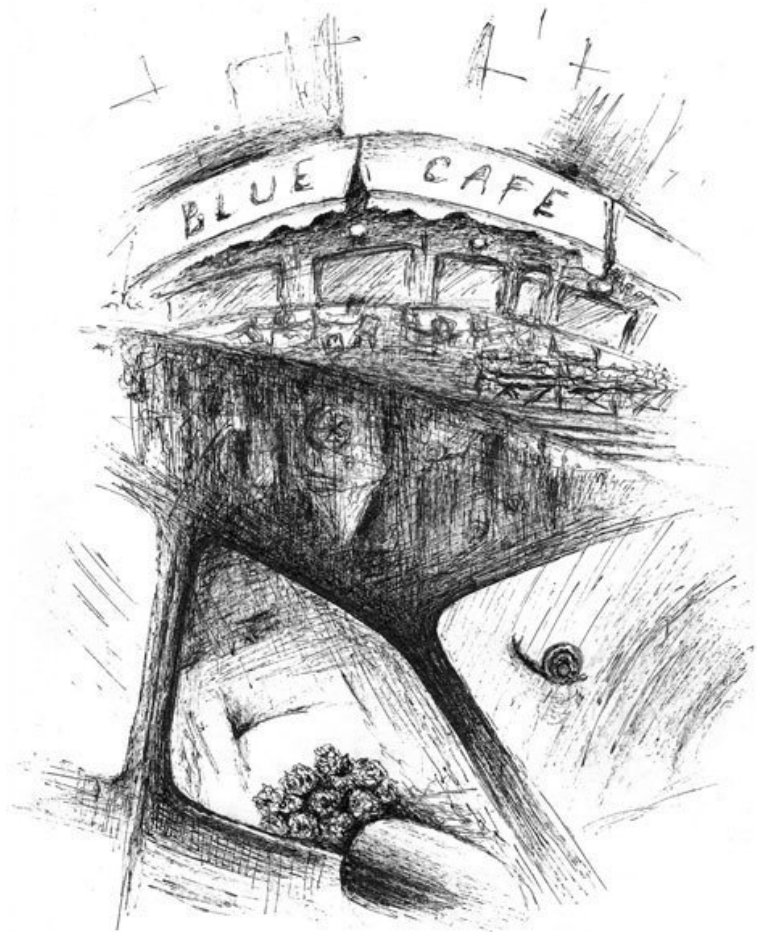
Все, что я могла, это вызваться помочь ей по хозяйству. Она сказала, что терпеть не может гладить рубашки мужа, – и я с наслаждением сделала это вместо нее. Высушенные на балконе, они пахли свежестью и – немножко – его парфюмом.

* * *

В один из дней Георгий отвез меня в Веве и сводил на могилу Чаплина и его последней жены Уны. Там он начал рассказывать мне об этой поздней любви великого актера, о девушке, ставшей его женой в восемнадцатилетнем возрасте. Чаплин был старше ее на тридцать шесть лет. «На самом деле это сложно понять. Неужели такая юная девушка может полюбить мужчину, который годится ей в отцы?» – спрашивал Георгий.

Я тогда не знала подробностей этой истории и не могла ответить, что это был самый счастливый брак Чарли, наверное, единственный счастливый его брак. Но мне казались

странными сомнения Георгия. Какое значение имеет возраст? Разве это так важно, кому сколько лет?

Тогда я решила, что он сомневается в способности немо-

лодого мужчины быть привлекательным в глазах юной девушки. А сейчас я неожиданно подумала, что он говорил о другом: способна ли юная девушка дотянуться до этого зрелого мужчины, оценить его по достоинству... Его самого, а не его славу, не антураж...

В любом случае он не случайно привез меня туда. В конце концов, мы оба не были страстными поклонниками Чаплина. Но там, возле могилы Чарли и Уны, между нами витало невысказанное. Я взяла Георгия за руку. Однако мы отчего-то не осмелились поцеловаться.

Потом мы вернулись на набережную. Георгий очень хотел сфотографировать меня в сквере около памятника Чаплину. Бронзовый артист стоит прямо на земле, без постамента, и с ним снимаются все, кому не лень. Меня это раздражает, я вообще терпеть не могу фото типа «слева это я», особенно когда подобные снимки есть у каждого туриста с камерой. Но Георгий просто не переносил безлюдья в кадре. Он все время хотел или снять меня на фоне здания, или сам встать в кадр, даже если в масштабах фото вообще было не разглядеть, кто это там маячит в воротах огромной башни. И я не спорила, потому что иначе он обижался. Мне казалось, что ему очень важно было оставить следы нашего присутствия в этих местах. Нашего общего присутствия. Может быть, убедить самого себя в том, что мы существуем. Поэтому я, конечно, послушно встала рядом с Чаплином.

Я тоже была не очень-то уверена в себе. Однажды я даже

спросила Георгия, нравлюсь ли ему именно я или ему просто приятно, что рядом молодая женщина... может, даже ничего себе, симпатичная. Он ответил, что я ему, конечно, нравлюсь, да, конечно, ему важна именно я, но как-то получилось это не очень уверенно. И я решила больше не затрагивать эту тему. Мне стало казаться, что он не принимает меня всерьез. Не понимает, что я могу испытывать к нему глубокое чувство, более глубокое, чем предполагалось нашим мимолетным приключением.

Странно, но почему-то сейчас мне хочется спросить себя, тогдашнюю: а любила ли я именно его или просто поддавалась очарованию внешнего образа европейского благополучного мужчины, очарованию того мира, который он олицетворял, так же как в детстве, ничего о нем не зная, боготворила в нем романтического героя, покорителя горных вершин? Хотя кто может сказать, что это такое вообще – «любить именно его самого»? Где находится этот самый «сам» и стоит ли пытаться до него докапываться?

* * *

За два дня до моего отъезда мы поехали в город Тун вместе с дочкой Георгия Еленой и ее молодым мужем Жераром. Посидели в кафе на берегу реки, где лебеди подплывали к самым столикам и буквально выхватывали из рук еду, потом поднялись наверх, к замку.

Молодые вели себя, как все новобрачные. Держались за руки, шли в обнимку, время от времени целовались, постоянно пытались соприкоснуться какими-нибудь частями тела, ласкали друг друга под столом в кафе. Смотреть на это было нестерпимо, потому что хотелось последовать их примеру. Гуляя, мы с Георгием иногда специально отставали от них, чтобы просто подержаться за руки. Проходя мимо какой-то гостиницы, он тихо сказал мне: «Эх, взять бы сейчас два номера...» Почему-то тогда я не сообразила, что, если уж на то пошло, мы могли это сделать в любой день, когда ездили вдвоем.

Из Туна мы поехали в Интерлакен, и я могла полюбоваться на красавицу Юнгфрау.

– Ты на нее поднимался? – спросила я.

– Нет.

Георгий покачал головой.

– Нет. Молодая дама² уже не для меня.

На обратном пути я сидела рядом с Еленой на заднем сиденье. Мужчины сменяли друг друга у руля. Когда мы уже почти подъезжали к городу, Георгий привычно поставил диск Криса Ри.

What have you seen?

What do you know that's new?

Where are you going to?

² Юнгфрау – девственница, буквально: молодая дама.

Cause I wanna go with you.

«Что ты увидел? Что нового ты знаешь? Куда ты идешь? Потому что я хочу пойти с тобой»

Я отвернулась к окну и ничего не смогла с собой поделаться: слезы текли из глаз, и их было никак не остановить. Елена заметила это и встревожилась. Она решила, что мне нехорошо и, хоть я и отнекивалась, попросила мужчин остановиться. Я вышла из машины, якобы для того, чтобы подышать свежим воздухом. Георгий последовал за мной.

– Что случилось? Тебе плохо?

Что случилось? Вот мило!

– Ничего не случилось! Мне прекрасно! Неужели ты вообще ничего не понимаешь?!

– Успокойся... Я все понимаю. Тебе стало грустно оттого, что ты послезавтра уезжаешь. Я зря поставил эту музыку...

Мне стало грустно! Грустно? Ну, конечно, я же просто ребенок. А детские слезы высыхают быстро.

По возвращении в Женеву Жерар предложил мне покататься по ночному городу. Я согласилась, думая, что это поможет мне успокоиться. В полночь мы с ним и Еленой сидели в кафе на площади Бург-де-Фур, и я почувствовала, что что-то необратимо изменилось во мне за эти две недели. И я никогда уже не буду такой, как прежде.

Когда я вернулась, Георгий и Оксана уже спали. Я открыла дверь ключом, прошла на цыпочках в свою комнату, лег-

ла в кровать и долго плакала... Но прежде чем заснуть, посреди всхлипов я подумала: «Ну вот, я снова влюбилась. В конце концов, я смогу писать стихи... я их давно не писала. Мне будет о ком мечтать... Это же лучше, чем пустота, разве нет?» Эти мысли меня немного утешили, и на следующий день обошлось без истерик.

Прощаясь в аэропорту, Георгий сказал мне неожиданно горячо: «Не переживай. Я приеду в Ленинград в январе. Один, без Оксаны. И всё будет».

* * *

Как я летела домой, я помню плохо: всю дорогу пила виски и роняла в стакан слёзы, пугая бортпроводниц. В аэропорту меня встретил папа, и мы сразу же сели в такси, потому что одета я была слишком легко. В Женеве было тридцать градусов жары и светило солнце, а здесь – тринадцать и противный мелкий дождь. В такси звучал не Крис Ри, а Гарик Кричевский, и водитель материл лезущих под колеса пешеходов совсем не по-французски.

Когда я вошла в свою квартиру, то вдруг увидела, какие у нас обшарпанные обои, как сыплется с потолка штукатурка. Прихожая показалась мне темной и слишком маленькой, а вся обстановка – щемяще убогой. Я села на скамеечку возле двери и заплакала от непонятной обиды.

Вечером позвонил Георгий: «Как долетела? А у нас

дождь. Погода грустит, что ты уехала... Но мы скоро увидимся. В январе, ты помнишь?»

Взрослые часто дают детям обещания, чтобы утешить, надеясь, что они успокоятся и обо всем забудут. В январе он не приехал.

Полтора года я писала им письма. Ему и Оксане. Самые обычные невинные письма, чтобы они могли читать их вместе. Послала фотографии. Кое-где между строк намеком давала Георгию понять, что помню и люблю, называя самыми запомнившимися те места, где мы с ним особенно жарко целовались. Полтора года я училась готовить, вспоминая его любимые блюда. Писала стихи. Учила французский язык. И перед сном ласкала себя, мысленно представляя Георгия – его руки и грудь, покрытые мягкими черными волосами, бархатный взгляд его карих глаз с немного опущенными вниз уголками и, конечно, его губы...

Однажды ночью мне приснилось, что он лежит рядом в постели и обнимает меня. Выныривая из сна, я продолжала чувствовать на груди тяжесть его руки... Я потрогала ее, и она соскользнула, а я еще несколько минут приходила в себя в темноте, пока не поняла, что это была моя собственная затекшая рука, которую я из-за этого перестала ощущать.

И еще я купила диск Криса Ри и слушала его каждый день.

The cost is great the price is high
Take all you know and say goodbye

Your innocence inexperience
Mean nothing now

Cause this is where the one who knows
Meets the one that does not care
Where have you been
I hear you say
I'll meet you at the Blue Café.

«Стоимость велика, цена высока, возьми все, что ты знаешь, и скажи “прощай”. Твоя невинность и неопытность теперь ничего не значат, потому что это – то место, где тот, кто знает, встречается с тем, кто не придает значения. Где ты был? Я слышу, как ты говоришь: “Мы встретимся в Blue Café”».

Интересно, кафе в этой песне синее или печальное?³

А когда Георгий наконец приехал, то зашел к нам днем, совсем ненадолго. Это было накануне моего дня рождения. Я думала о том, что же он мне подарит. Сама я очень люблю делать подарки. Ходить, выбирать, думать о том, что понравится близкому мне человеку, что его обрадует или приятно удивит...

Я написала длинное письмо со стихами, чтобы отдать его Георгию. Я сочиняла его все эти полтора года: мне так много хотелось ему сказать!

³ Слово blue можно перевести и как «синий», и как «печальный». Последний вариант часто встречается в блюзовых песнях.

Но за все время, что он у нас пробыл, мы ни на минуту не остались наедине. А вместо подарка я получила от него деньги: «Я не знаю, что тебе подарить. Купи себе, что хочешь...» И я поняла, что продолжения у нашей истории не будет. Тем не менее я потихоньку от всех сунула ему в карман свое письмо.

Уходя, он попросил меня проводить его до трамвайной остановки. Некоторое время мы шли молча в холодных зимних сумерках. Потом он заговорил, как-то отчужденно, поучающим тоном:

– Ты что, обижаешься что ли? Не надо дуться. Ты же понимаешь, что я никогда не оставлю Оксану...

И я опять почувствовала себя ребенком, которого утешает снисходительный взрослый. Таким тоном можно говорить с маленькой несмышленной девочкой. А мне между прочим уже тридцать... И я не дурочка, а кандидат филологических наук!

Он говорил долго. О дочери, которая недавно родила. О племяннике из Москвы, который едет учиться в Швейцарию. Об ипотеке. О родственниках из Одессы, которым нужно помогать. О том, что он в ответе за всех. Но я не вслушивалась. Я вспоминала аэропорт, его горячие губы и слова: «Я приеду в январе. Один, без Оксаны. И всё будет». На остановке я попросила его вернуть мне мое письмо. Он отдал, даже не притворившись из вежливости, что его содержание ему интересно.

После этого мы с Георгием виделись еще несколько раз, но больше никогда до сегодняшнего дня не вспоминали о той истории. Как будто я просто дочь его старого, уже покойного друга. Иногда он привозил мне духи Chamade. Этими духами пропахла постель другого мужчины, того, который потом стал моим мужем. Я научилась садиться в машину. Научилась ухаживать за кожей и ногтями, носить европейскую одежду, разговаривать с продавцами и официантами. А Георгий постарел, хотя и очень элегантно, и, глядя на него во время этих беглых встреч, я удивлялась: «Неужели я была в него так безумно влюблена?» И в самой глубине души признавала его тогдашнюю правоту: в свои тридцать лет я была, наверное, глупой девочкой, которой нужен был принц на белой иномарке. А их не бывает. Во всяком случае, даром глупым девочкам их точно не раздают.

* * *

Вот и вся история. Мой муж вернулся, мы встали из-за столика, и Георгий предложил подкинуть нас до базилики Нотр-Дам, в которую мне хотелось зайти до отъезда. Мы согласились. Я привычно села на переднее сиденье. «Сначала попу, потом голову, потом ноги...» И зацепилась каблуком. Что за досада!

«Души прекрасные порывы»

*Но за величие такое,
За счастье музыкою быть,
Ты не найдешь себе покоя...*

М. Петровых

Что за досада: у Хэма сломалась машина. Вроде бы ничего катастрофического, но как-то выбило из колеи. К хорошему привыкаешь быстро, и свобода от общественного транспорта казалась Хэму жизненной нормой. Однако ничего не поделаешь, придется недельку поездить на трамвае, вспомнить молодость.

Хэм шел к остановке в не предназначенном для долгих пеших переходов легком итальянском пальто, поеживаясь от осеннего холода и припоминая забытые ощущения, а рядом с ним бежали, спотыкаясь и второпях толкая друг друга, блеклые сухие листья липы и вяза. И только какой-то случайно затесавшийся в их компанию большой ярко-золотой лист клена, нелепо переваливаясь с боку на бок, никак не мог ни поспеть за ними в их странной суете, ни, оторвавшись от земли, взлететь вместе с ветром... Трамвай, холодно и прозрачно брэнча, поравнялся с Хэмом, и он, неожиданно для себя самого, припустил к остановке бегом, размахивая дипломатом.

Он узнал ее почти сразу.

Немолодая женщина сидела напротив него, через площадку, метрах в трех, и они практически были вынуждены смотреть друг на друга. Такая ситуация в транспорте всегда напрягала Хэма, поэтому он хотел сразу же закрыть глаза, сделав вид, что дремлет, но в последнюю секунду зацепился взглядом за выражение ее лица – не черты, а именно выражение. Оно показалось ему необычным и одновременно знакомым. Из давней, давней жизни. Хэм вгляделся – и неожиданно почувствовал себя подростком, идущим в школу с одной мыслью: он снова увидит Ее. Вспомнил свои старые фотографии, сложенные в коробку из-под ботинок фабрики «Скорород» и засунутые на антресоли. Фотографии, на которых остались та странная, нереальная осень и она – Светлана Евгеньевна, «Светочка»...

Как давно Хэм не брал в руки эту коробку – единственное, что могло бы ему напомнить о школьных годах, о себе самом – пятнадцатилетнем! Ну еще, наверное, где-то там же на антресолях пылится рюкзак с нашитой на него Хэмом собственноручно пятиконечной звездой – символом группы «Алиса».

Еще в седьмом классе, когда отец подарил ему на день рождения камеру «Зоркий», Хэм всерьез увлекся фотогра-

фией. Два года занимался в Доме пионеров. Проявлял пленки и печатал снимки, конечно, сам. Как же здорово было, закрывшись в ванной комнате и на всякий случай вывернув из патрона лампочку, сидеть в таинственном свете красного фонаря и смотреть на то, как в кюветке с проявителем на белом листе бумаги медленно появляется, проступает картинка: пейзаж или лицо... да, лицо. Сначала глаза, потом губы... Это было настоящим чудом.

У Хэма было множество Светланиных фотографий. Он снимал ее со всех сторон, с разным выражением лица, умея застать ее – и не только ее, других людей тоже – незаметно, врасплох, в моменты незащитности. Он мог подглядеть в человеке то, чего не видят другие: это все признавали.

Сейчас, трясясь в трамвае напротив Светланы, Хэм впервые за много лет пожалел о том, что бросил фотографировать. Почему бросил? Да время такое наступило. Хэм получил техническое образование, а работал менеджером по продажам, как добрая половина его одноклассников... та, которая не уехала в девяностые. Жена дразнит «менеджером по пропадам». Ну, она может себе позволить библиотекарем работать, книжки читать... А ему нужно семью содержать.

Теперь, конечно, появилась цифра, и фотография не потребовала бы от него столько времени и денег. Но, став доступной почти каждому, она утратила для него свою магию. Да и сам он изменился.

Его сыну Андрею сейчас примерно столько же, сколько

Хэму было тогда. Увлечения отца Андрей не унаследовал. То есть он фотографирует все подряд на компакт или мобильник, как это делают все его сверстники, – но и только. Вообще Хэму иногда кажется, что люди кругом отдыхают, ходят на свидания, ездят за границу, едят в кафе, купаются в аквапарках только для того, чтобы выложить в социальную сеть ужасающие по качеству и лишённые смысла фотографии. И если они не запечатлеют какой-нибудь момент своей жизни, то его для них как бы и не существует. Запрет фотограф свадебные снимки – приходится играть свадьбу по второму разу. Или разводиться.

Тогда же все было иначе. Он чувствовал себя немножко волшебником. И Светлана тоже говорила, что он замечательно фотографирует.

* * *

А она, похоже, его не узнала. Во всяком случае, виду не подала. Или просто не заметила. Смотрела куда-то сквозь него, сквозь всех вообще и думала о чём-то своём.

Его узнать, конечно, сложно. Сорокалетний мужчина с бородкой, в которой всюду пробивается седина, не очень-то напоминает долговязого подростка с пухлыми губами и причёской «взрыв на макаронной фабрике». Когда в школе его прозвали «Хэм», на американского писателя он, конечно, похож не был. Просто фамилия у него – Ветчинкин, а

школа была английская. В обычной дразнили бы Ветчиной или Колбасой. А тут – другая интеллектуальная ниша. А вот теперь, пожалуй, проклюнулось какое-то сходство, поэтому не только для старых, но и для новых друзей он «Хэм», по имени или фамилии его зовут только в официальной ситуации.

Сколько же времени прошло? Лет двадцать пять, пожалуй. Он учился в девятом классе, а Светлана Евгеньевна с четвертого преподавала у них литературу. Хэм сразу выделил ее среди всех учителей, но в тот год... Хотя нет, началось все еще в восьмом, когда Светлана вместе с историком Сергеем Николаевичем, по прозвищу Цезарь (он на уроке одновременно слушал ответы, рисовал рожицы и разгадывал кроссворды), готовила с их классом композицию к какой-то там годовщине восстания декабристов.

А может, еще чуть раньше, на уроке по «свободолюбивой лирике Пушкина».

Хэм на этом уроке, как водится, пребывал в полудрёме. Он хронически не высыпался: школа, фотостудия, музыкалка, тусовки с друзьями. Светлана заметила, что он ее не слушает, и нарочно у него спросила:

– Вот как ты понимаешь эти слова: «Души прекрасные порывы»?

Ну, он часто отвечал наобум, а попадал в точку, так что не смутился и начал объяснять:

– Пушкин считает, что прекрасные порывы нужно ду-

шить... Ну призывает, значит... Потому что, если им дать волю, то плохо кончишь. Ну тебя там в Сибирь сошлют, как декабристов...

Лучше не вспоминать, что тогда в классе началось. Светлана решила, что он над ней специально издевается. Обиделась, прямо чуть не заплакала. И вот в этот момент он как-то по-особенному ее увидел. Что-то в ней было такое – беззащитное и нежное, что его неожиданно пронзило. Ему захотелось извиниться, объяснить, что он просто недослышал и не хотел ее обижать... И Пушкина он уважает, и декабристы молодцы... Но он только сказал:

– А что, неправильно, что ли? Что хорошего в этих самых порывах?

А сама виновата: не нужно спрашивать, если видишь, что человек дремлет!

После этого Хэм, конечно, не ожидал, что она доверит ему выступить в композиции про декабристов, хоть и в роли царя. Но вскоре после этого урока она попросила десять человек остаться, в основном мальчиков – и его тоже, и всем предложила участвовать. За две пятерки. Все согласились: получить у Светочки две пятерки было непросто, тем более что она почему-то не отличников выбрала.

Неизвестно, как они с историком это дело сочиняли, но репетировала с ними чаще Светлана, иногда они вдвоем. И рассказывала, объясняла им все об их героях в основном она. Многое им тогда было сложно понять. Но Светлана говорила

так, что невольно заражала других своими чувствами, и было ясно, что эта страничка истории для нее – что-то святое, вроде как идеал жизни. Цезарь – тот все больше рассказывал о каких-то бытовых деталях. Девчонки под его руководством платья шили и для мальчиков эпoletы и аксельбанты делали. А она все об этих... о прекрасных порывах.

И в конце концов у них получился не просто спектакль, после которого их в школе узнавали даже старшеклассники, а что-то гораздо большее. Они все немного изменились и как-то больше сдружились, что ли. Все вместе подошли потом к Светлане и сказали, что не нужно им эти пятерки ставить: не для этого играли. Вернее, не играли даже. Жили.

Правда, говорят, Нинуля, завуч по воспитательной, устроила потом Светлане сцену. Насчет того, что дети на спектакле плачут, у них травмируется психика, особенно у исполнителей, потому что они переживают. Но Светлана, конечно, ее проигнорировала.

А в девятом классе она объявила, что будет вести литературный кружок. Почти все, кто в спектакле играл, стали туда ходить. И Хэм тоже. Вот тогда и наступила она, эта осень, которая теперь пылится на антресолях в коробке из-под ботинок фабрики «Скороход».

* * *

По Тринадцатой линии бежали, спотыкаясь и второпях

толкая друг друга, блеклые сухие листья, иногда забегая во дворы, даже в тот пустынный двор-колодец, куда смотрело окно Хэма, а один – не то глупый, не то отчаявшийся, – удирая от дворника, выскочил прямо на Средний проспект, но его тут же затолкали кроссовками и вышвырнули обратно – чуть потрепанным и вполне смирившимся.

Хэм, как всегда, опаздывал в школу. Ну он же не виноват, что живет совсем рядом. Очень хотелось спать. Ничего, на литературе у Светочки можно отоспаться. И не думать о том, что... нет, это глупости, бред, фантазии... Он же не фантазер, вовсе не романтик! Мальчик без комплексов и дешевого самолюбия: себе цену он знает, а на окружающих в общем-то плевать.

Вот она на кружке говорила о романтиках, о том, что они не принимают мир таким, каков он есть. Не соглашаются с миром. Господи, боже мой, что значит «не соглашаются»? Как можно не принимать то, что объективно существует, чего никто никогда не изменит и изменить не может? Не соглашаться с ураганом, который сметет тебя с лица земли? Как будто кто-то спрашивает твоего согласия! Глупо и смешно. Если дураков и сволочей в мире в сто раз больше, чем умных и порядочных людей, то что значит «не соглашаться»? Надо просто как-то попытаться приспособиться, найти себе подобных и идти своей дорогой.

Хэм как-то пытался объяснить Светлане, почему он ходит на все концерты Кинчева, хотя у него и записи есть, и знает

все наизусть. Просто он там не один. Рядом – люди, тесно, одним целым. И можно вместе ощущать ритм, положив руки на плечи друг другу, и кричать, и петь, и все сердца будут стучать в такт, и теплом разольется кровь по жилам. И не важны нюансы – кто там рядом, что, – те нюансы, что всё губят; вникать не нужно – чтобы не разъединяться. Уж она-то должна бы это понимать, наверное... А она ему в ответ что-то про массовый психоз.

Но ведь соединить может только что-то внешнее. Высшая сила. Ну не то, что в одном человеке, и не то, что в другом, а что-то третье, вне их. И нужно искать это третье, а не проламываться в другого человека со своим «я».

Впрочем, долго рассуждать и философствовать Хэму лениво. А вот выкрасить волосы в зеленый цвет или заложить под школу побольше динамита и рвануть – иногда хочется. Потому что, в общем-то, какое Нинуле дело до его прически и до покроя брюк? Ну на коленке у него карман, в конце концов, это дело привычки. Он лично в обсуждении ее туалетов участия не принимает. И не хочет он в комсомол вступать, вот ведь пристала... Главное, логика такая замечательная: ты плохой, потому что не вступаешь в комсомол, давай, скорее вступай. Зачем же я вам такой плохой там нужен?

Ну, предположим, достигнем мы все полной гармонии: все в синих костюмчиках, у всех карман где положено, галстучек, одеколоном «Чарли» несет, ах, какие мы паиньки, ах, какие мы славно одинаковые... Ну так неужели же вас не за-

тошнит? Скука-то какая, скука-то смертная!

Только вот беда – Хэм это давно понял и поэтому обошелся без серег, унитазных цепочек и других более серьезных атрибутов свободомыслия: как только выбьешься из-под одной гребенки, так как раз под другую и попадешь. Глядь: все с зелеными волосами, у всех в носу серьга, на коленке карман. На миллион во фраках – миллион без штанов. И что? А где я? Я где?

Светлана говорит, что главное не в одежде, не в каких-то атрибутах, а в том, что внутри. Но как же тогда узнать своих?

На крыльце они с ней, конечно, столкнулись. Он вежливо пропустил даму вперед, уступая ей честь открыть тяжелую дверь, и только потом сообразил, что не до конца овладел правилами этикета.

Накануне было воскресенье, и Хэм целый день провел в Павловске с фотоаппаратом. Он шел по листве, шел и шуршал, вбирая в себя осенний воздух и глотая его легко и счастливо. Так можно было идти целый век и думать, что сможешь так целый век жить: «Здравствуйте, Светлана Евгеньевна!» – «Здравствуй, Саша!» Так – целый век. И жизнь будет ясна и прозрачна, как этот воздух с запахом подмороженных прелых листьев.

Навстречу Хэму прошла девушка в кленовом венке. На лице ее лежал тусклый осенний свет. Мальчик лет четырех хватал руками охапки листьев и подбрасывал их вверх. Они падали, ярко и бесполезно взметнувшись, и чёрный карли-

ковый пудель, подпрыгивая, пытался поймать их на лету.

Фотографии у Хэма получились какими-то нереальными, сказочными. Словно бы в них, где-то в невидимом слое, проступило что-то такое, чего не было в кадре. Он печатал их до полуночи. Ему казалось: еще немного, и он что-то поймет. Про себя, про нее, про жизнь...

А теперь он хотел спать. Но отоспаться на уроке не получилось. Была письменная работа. Ну конечно, первым уроком в понедельник – лучше не придумаешь. Светлана стояла у окна и рассеянно смотрела на клён, одиноко растущий на маленьком живом островке посреди заасфальтированного школьного двора. Она часто так стояла и смотрела в окно. Как будто ждала чего-то или кого-то. И не видела, что Митрофанов списывает.

Нужно было написать анализ стихотворения Фета или Тютчева, на выбор. Честно говоря, Хэм плохо понимал, что это значит. Вот анализ мочи – это он знал. А стихотворения... Он, конечно, Светлане такого бы не сказал, хотя в восьмом классе часто донимал ее всякими гадостями. Ему тогда казалось, что в нем как будто бы два человека живут. Один вполне приличный, а другой – такое г...! И, когда приличный что-то чувствует, нравится ему что-то, второго так и тянет за язык посмеяться. Но к девятому классу он немного повзрослел и научился сдерживаться.

Нужно все-таки написать... про это стихотворение. Лучше Фета, конечно. Там про природу, без философии.

«"Ель рукавом мне тропинку завесила"... Очень хочется сейчас переписать стихотворение целиком. Почему? Не знаю, просто иногда ты сам говоришь эти слова, но, конечно, не так, как Фет. Когда читаешь это стихотворение, хочется плакать: почему ты сам *так* сказать не можешь? И в этом смысл. А получается это потому, что все мысли, чувства и побуждения сняты прямо с души и даже не обдуманы. Сняты и отданы нам. Залпом, без остановки. Простые слова, только сразу с души. Потому-то и кажется, что все свое. Потому-то и волнуешься ты, как в лесу. Музыка есть, но не от искусства, а музыка души: тревожный шум ветра, еле слышное шелканье птиц, шепот травы, шуршание иголок под ногой. Все это и есть непревзойденная музыка леса. А любовь – это как небо над лесом. Солнце (не закат, а восход), серо-белые облака, зачем-то бегущие по небу. Вот что такое это стихотворение. Я писал долго и путано, а Фет мало и все близко».

Хэм закончил писать и подал яростно почерканный листочек:

– Я не буду переписывать начисто, ладно?

И улегся на парту досыпать.

А после школы догнал Светлану по дороге к своему дому.

– Светлана Евгеньевна, кружок в пятницу будет?

Спросил, просто чтобы что-нибудь сказать.

– Да. Тебя что, в октябрята приняли на старости лет? – спросила она, посмотрев на октябрятскую звездочку на его пиджаке.

– Да нет... Так я приду.

Хэм поправил на спине самодельный рюкзак с нашитой на него кривой пятиконечной звездой, чтобы она обратила внимание.

Возле его дома они попрощались, и Светлана пошла дальше, через сквер, к остановке трамвая. Хэм смотрел ей вслед – долго. «Светлана!» – тихо позвал он. Она не обернулась. «Светлана», – тихо повторил он одними губами беззвучно. Ветер неожиданно ударил ей в спину, взметнул волосы, вуаль на шляпке... С маленького клена в сквере дождем хлынули на землю багряные листья, похожие на изорванные сердца. И горький запах опавшей листвы томил, как фетовские строчки.

Эх, больше трояка не поставит, наверное...

* * *

А потом наступила зима. Она была такой же необычной, нереальной, как осень. Снежной, странной, страшной.

Их было человек десять на кружке. Они собирались по пятницам возле оплывшей свечки, Светлана читала им стихи, рассказывала; они много говорили – о поэзии, о жизни. И очень любили друг друга. То есть не то чтобы друг друга. Они любили ту общность, которая возникала в эти минуты; но общность эта распадалась в обычной жизни: лица, что ли, при свете свечей были другие, глаза? Хотелось невозможно-

го, хотелось дышать в такт.

Ася Карпова лепила сердечки из стеарина. Скоро стали лепить все. И однажды, сделав каждый по сердечку, подарили Светлане.

– Что же мне с ними делать? – спросила она.

– Сплавьте их все в одно, – предложил Митя Лебедев.

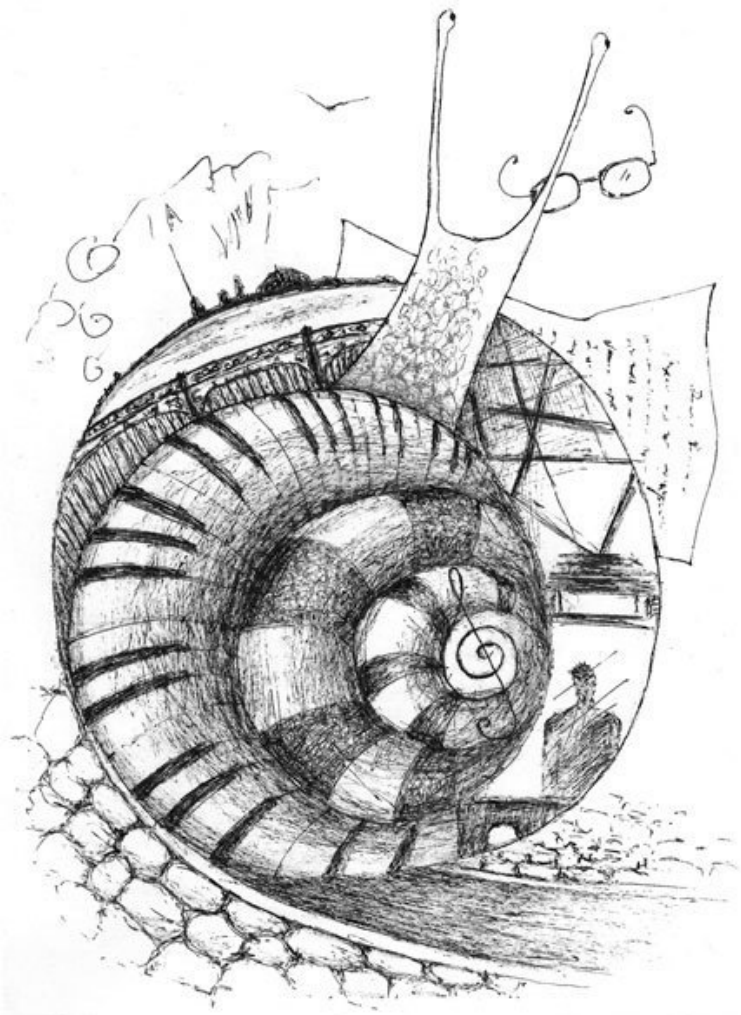
– Так не бывает, – улыбнулась Светлана.

Но сама-то, пожалуй, немножко надеялась на то, что бывает. В ней было что-то не наше, не современное... из старинного романа. Это и манило, и раздражало одновременно. Она жила в каком-то своем мире, как улитка, совершенно не понимая, что он ненастоящий. Не жизнь, а литература. И пыталась потеснить этой литературой тот мир, в котором предстояло существовать ее ученикам. Хэму казалось, что она толкает их к гибели, но ему было сладко от этого, хотя и немного страшно. И он почти готов был отдаться этой метели, этой музыке...

Да, еще была музыка.

Это случилось в зимние каникулы. В тот вечер на кружок пришло всего три человека: Хэм, Митя и Ася. После занятия они спустились вниз и увидели, что актовъй зал не заперт, даже дверь полуоткрыта. Оттуда тянуло холодом, но они за-чем-то вошли, не зажигая света. Ася поднялась на сцену, к пианино. В гулкой пустоте стукнула крышка, вздрогнули от неожиданности струны. По темному, холодному залу, едва освещенному сквозь заиндевелые окна уличными фонаря-

ми, пронесся то ли вздох, то ли шорох, и чуть раньше или чуть позже этого вздоха зазвучала музыка...

Вступление набегало мерной волной так спокойно, так обманчиво просто, чтобы не мешать явлению главного инструмента души – голоса. Его мелодия началась с широкого, открытого «ля», протяжного, словно вздох, и тут же плавной дугой ушла на глубину, в грудь, зазвучала виолончельно и интимно. У Аси был красивый, бархатный голос, странно не сочетавшийся с ее хрупкой фигуркой, и очень широкий диапазон. Она пела на всех школьных концертах, и все прочили ей оперную карьеру. Но в тот вечер это было что-то просто необыкновенное. Через дрогнувшие ноты сомнения пробиралась она к завершению первой фразы, неуравновешенному, балансирующему, влекущему за собой вторую, похожую на первую, но чуть более взволнованную. Голос еще как будто не вошел в полную силу – душа только пробовала себя – и вдруг пронзительно взлетел мольбой и страданием... Завис на высоте и с новым дыханием взлетел еще выше, к головокружительному, прозрачному «си-бемоль» третьей октавы, чтобы потом стечь вниз хрустальным ручейком в спокойные воды аккомпанемента, на которых только порой, как солнечные блики на море, вспыхивали яркие, мучительные фиоритуры. Он звучал спокойно и глубоко, страстью сдержанной и очищенной, без надрыва, вычерчивая в морозном воздухе строгие изгибы то ли признания, то ли жалобы, то ли молитвы.

Хэму неожиданно стало очень хорошо. Хорошо и грустно.

Он стоял, прислонившись к колонне, и видел Светлану возле окна: на нее падал свет фонаря. И как-то они были связаны, музыка и Светлана. Словно какое-то непонятное чудо происходило, так что ни страха, ни сомнения – как натянутые крепко нити, – и только неразрешимость и непонятность желания... чего? Чего она хотела от него, эта музыка, и чего так жгуче, так безысходно хотелось ему? И отчего дрожали не повинующиеся ему губы?

Хэм отвернулся, чтобы не смотреть на нее. Ему казалось, что они и так близко, слишком близко, но мгновение это – счастливое и безысходное – сейчас кончится, оборвется в последних гармонических вздохах, и больше уже никогда...

Он не знал, что это была за мелодия. И не смог бы вспомнить и, может быть, даже не узнал бы, услышь он ее снова. Но он вобрал в себя навсегда зимний вечер, морозный узор на стеклах, темный, холодный зал, и голос Аси, и Светлану возле окна. Что произошло тогда? Казалось бы, ничего. Но, идя за этой музыкой, сливаясь с ней, он почувствовал, что вступил на вершину, вершину ослепительно чистую, где воздух разрежен и трудно дышать, а хочется вдохнуть всеми легкими, и больно щемит сердце от красоты. Можно ли жить на этой вершине, глядя в небо поверх земли, поверх суеты, поверх людей? Но, чувствуя невозможность, как невыносимо хотел он этого в те минуты!

А после зимы – вот странно! – пришла весна, когда за своим неровным, восторженным дыханием не различить чужого и почти все равно, слышат ли тебя. С треском лопаются почки на деревьях, и лезут клейкие листочки, и сердце, набухшее переизбытком чувств, как почка листом, вдруг разворачивается жаждой жить, существовать, дышать, звучать, вплетаясь в общую вселенскую симфонию. И разве можно изменить ритму своего дыхания, переставить ноты в мелодии, разбить гармонию, не разбив души?

Цвела черемуха, и город пах медвяно и томительно. Загорались каштаны. Золотом обрызганы были акации перед школьным крыльцом. Светлана носила легкие светлые блузки с крылатыми бантами. Все было пронизано солнцем, как ее рыжие волосы. А Хэм чуть ли не каждый день оставался у нее после уроков исправлять двойки по русскому... и тройки... и четверки... Оставался дольше всех, а потом они шли вместе, если, конечно, не встречал Цезарь, и между ними фетовской строкой плыло весеннее марево.

Да, кстати, о Цезаре. Хэм стал замечать, что Светлана как-то слишком часто заходит в кабинет к историку. И пару раз он видел их, выходящими из школы вместе. Неужели у них роман? Но все знали, что Цезарь женат на своей бывшей ученице.

Ребята тоже что-то заметили, стали посмеиваться. Говорили, что Светочка в Цезаря втюрилась и за ним бегают. Хэму не хотелось в это верить. И ничего такого в историке нет, чтобы сходить по нему с ума. Так, видимость одна. Фасон. На самом деле он говорит все не от души, заученно. И кажется, ему не очень-то самому интересно. Митя Лебедев, которого прозвали Паном Профессором за то, что он много читал, носил круглые очки и смешно надувал щеки, пару раз сажал Цезаря в лужу. Просто ловил на ошибках. А тот сразу начинал на стенку лезть, типа: «Не спорь с учителем!»

Но потом Хэм понял, что ребята правы. Однажды он пошел после уроков к Цезарю, хотел исправить двойку. Дверь была неплотно закрыта, и он услышал голос Светланы. Хэм не хотел подслушивать, но до него долетели интонации. Музыка. И все стало сразу же очевидным.

Хэм постоял, не зная, что делать: постучать или уйти. Решил уйти, но в этот момент дверь открылась и Светлана вышла. В слезах, с опрокинутым лицом. Хэм замер:

– Светлана Евгеньевна...

Она растерянно посмотрела на него, но уже ничего не могла поделать ни с лицом, ни со слезами.

Хэм проводил ее в тот день до самого дома. А она, стоя у своего парадного, вдруг положила ему руки на плечи. И поправила шарф. Ласково-ласково. Только все это не ему предназначалось. Не ему, вот беда-то. Другому человеку, который... который одного взгляда, одной мысли ее не стоил!

Что это, Хэм, никак ты ревнуешь? А если так...

Вообще-то Хэм не любил рассуждать о чувствах. На невнимание девочек он не жаловался. На его век мочалок хватит. Он сносно играл на гитаре, не просто там три аккорда: несколько лет проходил в музыкальную школу, недавно только бросил, хоть у него, говорят, абсолютный слух. Поэтому девочки в него влюблялись, на вечеринках он был нарасхват. Да и внешне он был ничего: высокий, видный. И малявки из пятого-шестого класса на него западали, и одноклассницы. Правда, трогало его все это не очень. В смысле души.

Просто приятно было позлить Светочку, погулять у нее на виду с шестиклассницей из ее воспитательского: пусть попсикует за девичью нравственность. А с такой фигуркой, как у этой Ленки, нравственность не убережешь, хоть ноги цепочкой сковывай... С такой девочкой в кайф в кино сходить на «до шестнадцати», на дискотеку, поприжать под лестницей. Но что касается души, то она-то тут при чем? Душа – как птица, стремящаяся взлететь в небо... небо над лесом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.